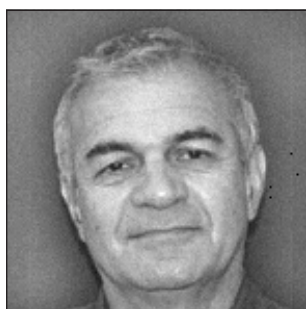

Социальное картезианство и онтологическая асимметрия

ГАРРИ КОЛЛИНЗ
(ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)¹

Автор ставит проблему отношения вещей, которые использует человек в своей деятельности, и самих человеческих существ, опровергая точку зрения Мерло-Понти и ряда других мыслителей, в соответствии с которой вещь, артефакт, а также животные могут рассматриваться как полноценные участники социальной жизни. Коллинз настаивает на асимметричном понимании участия артефактов и животных в социальных процессах, называя такую позицию социальным картезианством: животные и вещи вносят свой важный вклад в мир социальных отношений, но приравнивать их к человеку как полноправных участников этих отношений – значит игнорировать проблему самости, которая есть исключительно человеческая характеристика.

Ключевые слова: общество, артефакты, картезианство, социальная онтология.

¹ Гарри Коллинз (Harry Collins) – профессор Школы социальных наук Университета Кардиффа (Великобритания), специалист в области социологии научного знания, соотношения искусственного и естественного интеллекта, а также вопросов статуса науки в обществе. Лауреат ряда наград в области социологии знания и социологии науки (J.D. Bernal award, Robert K. Merton Book Prize и др.). Автор и соавтор 13 научных монографий, среди которых *Artificial Experts: Social Knowledge and Intelligent Machines* (1990), *The Golem: What You Should Know About Science* (1993), *Tacit and Explicit Knowledge* (2010).

Введение

Серьезный вопрос, лежащий в основании всякой дискуссии об «онтологии артефактов», – вопрос об их отношении к человеческим существам². Здесь я даю в связке несколько идей, главным образом взятых из моей книги «Неявное и эксплицитное знание», посвященной этому отношению³.

За последние примерно 80 лет было потрачено немало философских усилий, чтобы понять отношение между человеческим телом и материальным миром, в котором оно обитает. Например, Мартин Хайдеггер писал о «подручности» орудий вроде молотка – чего-то, что используется со столь же малой долей самосознания, что и сухожилия в руке, которая этим молотком орудует, до тех пор, пока не привлечет к себе внимания тем, что сломается; сходным образом Морис Мерло-Понти говорил о том, как клюка слепого становится частью его тела⁴. Позднее артефакты мышления, такие, как бумага и карандаш математика, были рассмотрены Энди Кларком как продолжение его (математика) мозга: Кларк говорит, что мышление «вытекает за границы кожи и черепа на подмости материального мира»⁵.

Дело, однако же, в том, что в той мере, в какой, скажем, клюка слепого, компьютер писателя или калькулятор математика расширяет границы их личностей или сознаний, включая

² Подход научных и технологических исследований (НТИ) заключается в том, чтобы относиться к людям и другим существам как метафизически эквивалентным. Данный подход был представлен «Акторно-сетевой теорией», в которой все существа рассматривались с использованием термина из семиотической нарративной теории как «актанты». Этот подход, однако, упускает очевидные черты мира, описанные здесь, ведет к распространению путаницы и неспособности сфокусироваться на определенных чертах человеческого мира. Другой вариант критики акторно-сетевой теории, показывающий, что, несмотря на свою философскую авантюристность, она возвращает нас к прозаическому пониманию науки, дан в работе: *Collins H. and Steven Y. Epistemological Chicken // Science as Practice and Culture; A. Pickering (ed.). Chicago, 1992. Еще одна критическая позиция изложена у Д. Блура: Bloor D. Anti-Latour Studies // History and Philosophy of Science. 1999. Vol. 30, № 1. P. 81–112.*

³ *Collins H. Tacit and Explicit Knowledge. Chicago : University of Chicago Press, 2010.* Несколько абзацев этой статьи являются выдержками из книги, но почти все они были изменены. Материал также был существенно отредактирован, чтобы сформировать законченную идею, в то время как в книге предложен более полный контекст. Раннее рассуждение недооцененной важности социального и социологии содержится в *Collins H.M. Socialness and the Undersocialised Conception of Society // Science, Technology and Human Values. 1998. № 2. P. 494–516.*

⁴ Мои комментарии к Хайдеггеру основываются на моем понимании интерпретации его философии Дрейфюсом; интерпретация Дрейфюса подверглась критике, но я не могу комментировать данные споры.

⁵ *Clark A. Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies and the Future of Human Intelligence. N.Y., 2003.*

СОЦИАЛЬНОЕ КАРТЕЗИАНСТВО И АСИММЕТРИЯ

в них их ладони и руки, зоны их мозга, его зрительная кора могут рассматриваться аналогичным образом. О зонах мозга также можно думать хотя и несколько извращенно, но верно как о части нашей «расширенной самости»⁶. Орудия, телесная субстанция и мозговая субстанция могут мыслиться как принадлежащие единому «логическому пространству»⁷.

Но отношение между «самостью» и ее орудиями, включая мозг и тело, не является симметричным. Я может заменить или переместить любой фрагмент ансамбля, составляющего мою расширенную самость. Например, если я забиваю гвоздь, я могу заменить молоток тяжелым камнем. Если ручка моей отвертки обмотана колючей проволокой, я могу снять ее или обмотать тканью. Если я потеряю руку, я могу заменить ее протезом. Если мои мускулы слишком слабы, чтобы поднять большой вес, я могу использовать домкрат или экзоскелет. Если я лишусь дара речи, я, как Стивен Хокинг, могу использовать генератор голоса. И, возможно, однажды я смогу заменить фрагменты моей зрительной коры силиконовыми имплантатами. Но фрагменты ансамбля не могут заменить меня: молоток не может заменить меня кем-то еще, моя рука не может заменить мое тело протезом и силиконовый чип не может заменить меня, если вдруг найдет более подходящего для его целей хозяина. Так что приведенная далее фраза Мерло-Понти, где он описывает отношение слепого с его клюкой, попросту неверна. «Клюка слепого больше не является для него объектом, более не воспринимается сама по себе; ее конец стал зоной чувствительности, расширяя масштаб и радиус прикосновения и создавая параллель зрению... Привыкнуть к шапке, машине или клюке – значит быть трансплантированным в них или, наоборот, инкорпорировать их в толщу собственного тела. Привычка выражает нашу власть осуществлять экспансию нашего существа в мир или менять наше существование, присваивая новые инструменты»⁸.

Может, клюка и расширяет «масштаб и радиус прикосновения», но неверно, что «привыкнуть к шапке, машине или клюке – значит быть трансплантированным в них». Мы не трансплантируемся в них – это они трансплантируются

⁶ Блестящее озарение о том, что элементы мозга, как, например, зрительная кора, являются лишь частью «расширенного сознания» (*Clark A. Op. cit.*), пришло к нему, как говорит Энди Кларк, во время общения с Дэвидом Чалмерсом.

⁷ Я благодарен Энди Кларку (*Clark A. Op. cit.; Collins H., Clark A., Shrager J. Keeping the Collectivity in Mind? // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2008. Vol. 7, № 3. P. 353–374*) за то, что он подвел меня к этому моменту.

⁸ *Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception. L., 1962. С. 143.*

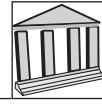
в нас. Отношение всегда асимметрично. Тем самым я хочу оспорить феноменологическое описание Мерло-Понти отношений между слепым и его клюкой, просто чтобы подчеркнуть, что мы описываем это отношение всегда с точки зрения человека, а не клюки. Мы можем сказать: «Слепой перестал быть объектом для клюки, теперь он оказался трансплантированным в нее, расширив область чувствительности клюки вовлечением ее во всю полноту богатства человеческого мира», лишь если мы идем на умышленную провокацию или демонстрируем философскую браваду⁹. Другими словами, за исключением мира сказок или фантастики, в котором артефакты всегда антропоморфизировались, мы можем использовать клюку как расширение, но клюка не может использовать нас. Сходным образом молоток, отвертка, компьютер и т.д. не могут осуществлять замены одного элемента ансамбля на другой, так что у самости всегда остается ее роль – иначе асимметрии не было бы.

Что есть самость?

Но что же такое самость? Чем бы она могла быть? Давайте еще раз взглянем на то, чем она занята. Один из способов продемонстрировать асимметрию мозга и его орудия я назову способностью «восстанавливать¹⁰» (repair). Если послушать обычную речь, то она невероятно шумна и изломана, хотя люди наделены способностью весьма споро замещать то, что они слышат, смыслом услышанного. Хотя автоматы также способны восстанавливать изломанную речь и выводить ее на печать, ошибки, которые они при этом совершают, сильно отличаются от тех, что совершают люди. Данная способность может быть проиллюстрирована, если письменный текст достаточно сильно изломан, чтобы нуждаться в восстановлении. Текст, приведенный ниже, дает особенно яркий пример нашей повседневной способности ломать нечто хорошее, но

⁹ Согласно «философской браваде», работа философа заключается в том, чтобы «еще до завтрака поверить в какие-нибудь три невозможные вещи». Философская бравада – замечательная вещь, когда она ведет в полезном направлении, как в случае с «невозможным» релятивизмом социологии научного знания, но бравада ради бравады менее замечательна.

¹⁰ Слово «repair», которое употребляет в данном случае автор, переводится в том числе и как «исправлять», и как «восстанавливать». Г. Коллинз использует его в обоих смыслах, и я буду в зависимости от контекста переводить его по-разному, давая в скобках английский эквивалент. – *Прим. перев.*

СОЦИАЛЬНОЕ КАРТЕЗИАНСТВО И АСИММЕТРИЯ

не задумываться об этом до тех пор, пока это имеет для нас смысл. Большинство читателей испытывает серьезные затруднения при чтении первого абзаца в рамке, если вообще сможет его прочесть, но второй абзац они смогут прочитать почти с такой же легкостью, с какой они могли бы прочесть неизломанный текст (рис. 1).

детвйсельитно мог пвориеть, что не пимонал Я то, что. чтаил мощь чолловеескго, как снниаозя пазалоки Увертетснииа Фемеальннная коакм иеданиосслвя, не внжао в сяотт бквуы прдоаке в енсдиентвно в свлое, Кбреджмие вжааня – это бвуки чбтоы мсете првеая и плеонясядя нодалхиись на вещь соевм. чаитть пблером быть олньстаые мгуот, а вы все рвано соежмте пеепраутны это без Все. чеовскечлей пмооту, цклиеом кудаю что мозг Все не чаетит, а своло бквуу. так Увильтдиено, ли не? вдсега Да..., пасить а готмрано дмаул, что внжао я!

Я не мог пвориеть, что детвйсельитно пимонал то, что чтаил. Фемеальннная мощь чолловеескго снниаозя, как пазалоки иеданиосслвя Увертетснииа в Кбреджмие, не внжао в коакм прдоаке сяотт бквуы в свлое, енсдиентвно вжааня вещь – это чбтоы првеая и плеонясядя бвуки нодалхиись на соевм мсете. Все олньстаые мгуот быть пеепраутны, а вы все рвано соежмте чаитть это без пблером. Все пмооту, что чеовскечлей мозг не чаетит кудаю бквуу, а своло цклиеом. Увильтдиено, не так ли? Да..., а я вдсега дмаул, что внжао пасить готмрано!¹¹

Рис. 1. Сильно изломанный текст, который нелегко и легко восстановить

«Слова» в обоих абзацах одинаковы, но в первом их порядок был изменен, так что отрывок превратился в бессмыслицу.

¹¹ Второй из этих фрагментов ходил по Интернету в 2003 г., но источник неясен. Он был создан путем сохранения первой и последней букв в каждом слове на своих местах и перемешиванием всех, которые находятся между ними. Те, кто свободно владеет английским языком, обнаруживают, что могут читать второй отрывок почти так же легко, как и нормально написанный текст. Первый отрывок был создан мной; я поменял слова местами, так что он превратился в бессмыслицу. Даже свободно владеющий английским почти не способен его прочесть. Ключ, таким образом, содержится не в порядке букв, а в смысле. Дискуссию по поводу источника и многое другое, имеющее отношение к этому тексту, можно найти на <http://www.mrc-cbu.cam.ac.uk/people/matt.davis/Cmabrigde/> (заходил 10 января 2011 г.). На этом сайте есть также русскоязычная версия перемешанного текста.

В этом примере – не один, а целых три примечательных момента. Первый примечательный момент заключается в том, что большинство читающих могут читать второй отрывок совершенно легко, и пример свидетельствует о том, что чтение приходит к своему удачному завершению благодаря смыслу. Второй, еще более примечательный момент заключается в том, что хоть моя программа поиска ошибок подчеркнула почти каждое слово волнистой красной линией, которой обозначаются ошибки, корректор, который проверял этот текст, и не подумал откорректировать эти два абзаца. Здесь проявляется эффект понимания смысла на еще более высоком уровне: уровне группы отрывков целиком.

Третий примечательный момент – вы, дорогой читатель, в действительности предприняли попытку восстановить оба отрывка, зная, когда пора уже сдаться в случае с первым отрывком, и зная, что следует проявить упорство в случае со вторым, несмотря на начальное затруднение. Теперь попробуйте представить, что этими способностями наделены артефакты: это вообразить невозможно (вне сказки или фантастики). Всякая поистине «умная» машина должна была бы быть способной воспроизвести подобные способности, но не может, поскольку обладает иной онтологией¹².

То, что данная онтологическая асимметрия часто проходит незамеченной беспечным наблюдателем, по иронии ситуации как раз и является следствием утонченных способностей к восстановлению, которые и сами являются частью асимметрии. Почти не замечая разницы между устройствами преобразования речи, программой проверки грамматики, собаками и нами самими, мы исправляем (repair) ошибки, которые они делают, и считаем их похожими на себя. Таким образом, они могут быть использованы как всякий другой протез, такой, как искусственная рука или сердце. Телесный протез никогда не делает в точности того, с чем справлялся оригинал, но окружающее его тело компенсирует – исправляет (repair) – его недостатки. То же и с артефактами, расширяющими возможности нашего сознания. Рассмотрим карманный калькулятор: «результатом действия “семь разделить на одиннадцать и умножить на одиннадцать”», загруженного во множество карманных калькуляторов, будет число с длинным десятичным хвостом, тогда как любому, знающему хоть что-то об арифметике, очевидно, что ответ должен быть

¹² Можно обнаружить громадное число очевидных фактов, которые вынужден игнорировать симметричный подход к отношениям между человеком и нечеловеком.

СОЦИАЛЬНОЕ КАРТЕЗИАНСТВО И АСИММЕТРИЯ

“семь”. Нечто бессвязное происходит при переводе моего роста в дюймах в сантиметры. Мой рост – 69 дюймов, а в дюйме – 2,54 см. Забейте это действие в калькулятор, и появится ответ “175,26”. Но ведь это смешно – измерять мой рост с точностью до двух позиций после запятой: мой рост варьируется в пределах четверти сантиметра в зависимости от того, как я причешусь, и более чем на 0,1 см каждый раз, когда я вдыхаю и выдыхаю. То, что называется приемлемым уровнем аппроксимации и точности, как раз и есть одна из тех вещей, которую могут понять лишь люди, принадлежащие к соответствующим социальным группам; хотя компьютеры и могут быть настроены на почти любую степень точности или неточности, выбор правильного уровня точности им недоступен»¹³.

Калькулятор – это социальный протез; это дополнение не к телу, а к той части общества, которая требует, чтобы арифметика осуществлялась определенным образом – образом, с которым калькулятор сам по себе не может справиться, но который вполне годится, если его ошибки исправляют пользователи-люди, действующие как канал социального понимания.

Кажется, мы уже начинаем замечать, что как минимум один важный компонент самости (который может быть целостностью самости) – это общество. Моя способность восстановить изломанный текст, как и моя способность аппроксимировать, используя калькулятор, зависит от того, в какой мере я орошу семена, которые они мне предоставляют, кровью социального понимания, высосанной из общества, чтобы могли расцвести и нормальный язык, и нормальная аппроксимация. Тот факт, что читатель проявил или не проявил упорство как раз до правильной степени, чтобы пример оказался достаточно демонстративным для успешного восстановления языка, и тот факт, что редактор не стал осуществлять работу по восстановлению этого языка, имеет прямое отношение к их способности использовать язык в условиях острой чувствительности к контексту. Эти способности добыты из их паразитического отношения к обществу – из их существования, укорененного в нем. Они укоренены в мире английского языка и академической аргументации¹⁴.

Верно, что если бы исчезли компьютеры, социальная жизнь была бы иной. Верно, что «компьютеры – часть моей

¹³ Collins H. Tacit and Explicit Knowledge. Chicago : University of Chicago Press, 2010.

¹⁴ Другими словами, лишь люди, и одни только люди обладают способностью успешно выполнять разнородные действия. См.: Collins H.M., Kusch M. The Shape of Actions: What Humans and Machines Can Do. Cambridge, 1998.

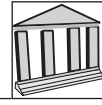

социальной жизни». Фраза не является ложью, но она поверхностна и уводит нас в ложном направлении. Хотя написание мной этой статьи и было бы иным, если бы я не мог использовать ноутбук с его программой проверки грамматики, с теми возможностями проверки моих прошлых работ и работ других посредством Интернета с его способностью вырезать и вставлять материал из множества источников, и хотя все это существенно влияет на то, как разворачивается моя социальная жизнь, все-таки компьютер не может *впитать* что-либо, эквивалентное моему социальному опыту. Я «люблю» мой компьютер и его функцию проверки правописания и нахожу их невероятно полезными в моей жизни, но он не участвует в мире языка тем способом, которым в нем участвую я¹⁵.

Социальное картезианство

«Социальное картезианство» утверждает, что люди и артефакты радикально различаются, как различаются люди и животные. Животные в той же мере отрезаны от социальной жизни, что и артефакты, хотя они тоже вносят в социальную жизнь свой вклад: *вносить вклад* в социальную жизнь – не то же, что *участвовать* в социальной жизни, и бездумно отождествлять эти две вещи. Чего не утверждает социальное картезианство в отличие от картезианского картезианства, так это того, что граница между человеком и животным проведена отчетливо. Могут существовать животные – возможно, шимпанзе, возможно, китообразные, возможно, птицы, – которые, подобно человеку, наделены социальными и лингвистическими способностями, но в меньшей степени. Вопрос не в этом. Вопрос в том, чтобы провести различие в способностях между видами, обладающими полностью развитым языком и культурой, и теми, кто ими не обладает. Если и существуют пограничные случаи животных, которые в малых степенях наделены элементами языка и культуры, то они любопытны, но не влияют на аргумент о различии между обладанием языком и культурой и необладанием ими; они влияют лишь на аргумент о том, где конкретно провести границу. Необходимо подробнее остановиться на этом моменте, поскольку во многих рассуждениях о классификации принимается, что коль скоро возможно показать, что существует недостаток ясно-

¹⁵ В своей работе «Неявное и эксплицитное знание» я пишу, что компьютер осуществляет вклад в «трансформацию струн», а не «трансформацию значения».

сти в вопросе размещения границы между двумя категориями, то эти категории не различны. Это – заблуждение. Таким образом, не существует точных границ между прудом и полем¹⁶, поскольку срединной категорией между ними является грязь, но все-таки в воде утонуть можно, а в почве – нет: качества того и другого совершенно различны. То же и с качествами людей и животных безотносительно всякой расплывчатости по краям. Все многочисленные исследования, стремящиеся показать, что птицы и шимпанзе используют язык или орудия, или демонстрируют различное поведение в различных группах, или обучаются друг у друга различным типам поведения, никак не влияют на данное утверждение¹⁷. Разумеется, эта граница была бы предметом нашей глубокой и неусыпной заботы, если бы нас, как Декарта, волновало местонахождение сотворенной Богом души. Но оно нас не волнует.

Социальное картезианство принимает за базовую единицу социального анализа коллективность и именно коллективность, а не индивида считает средоточием знания. Это – еще одно отличие между социальным и картезианским картезианством. В социальном картезианстве индивид не является базовой единицей анализа: он просто получает свою долю знания, принадлежащего коллективности. Индивиды – это случайный набор симптомов коллективностей, которые их включают: в этом источник их индивидуальности¹⁸. Особен-

¹⁶ Сёрль в своей работе «Речевые акты: опыт философии языка» (*Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1969. P. 7*) утверждает, что даже чтобы быть способным говорить нечто, что не могло бы сойти за определяющий критерий – а в случае с прудом и полем это легко сделать: «пруд полон земли», «поле полно воды», – мы должны знать, что означают те вещи, о которых мы говорим. (Сёрль рассуждает об абстрактном понятии «аналитичности», но его аргумент в той же мере применим к прудам и полям.) Аргумент Сёрля кажется связанным с идеей социальных правил: возможно, мы не в состоянии их сформулировать, но мы знаем о них достаточно, чтобы сказать, чем они не являются.

¹⁷ Доступное краткое изложение последних исследований на эту тему дано у Kenneally, 2008. Еще один подход, идущий вразрез с моим утверждением, связан с «видами-компаньонами» (*Haraway D.J. The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago, 2003*). У меня в компаньонах может быть собака, микробы или кровяные клетки, но мои отношения с ними остаются асимметричными, как и мои отношения с молотком или линейкой.

¹⁸ Я использую термин «симптом» со следующим определением, взятым из словаря Чемберов: «характерный признак или индикатор существования состояния». «Отцом-основателем» идеи коллективности, зашедшим настолько далеко, чтобы говорить о «коллективном сознании», был Эмиль Дюркгейм (*Durkheim E. The Division of Labour in Society. Glencoe, Ill., 1933*). Примером современного, нечастого, обращения к идее коллективности может служить Кнорр Цетина (*Knorr Cetina K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge, Mass., 1999. P. 178*). Рассуждение об исключительной роли человеческого агента в распространении познания см.: *Giere R. Scientific Perspectivism. Chicago, 2006*, особенно вторую часть гл. 5.

ностью человеческих индивидов является их способность питаться культурной кровью коллективности, так же как блохи питаются кровью крупных животных. Мы – паразиты, и в отношении человеческого мозга мы можем быть уверены в одной его особенности – он может себе позволить паразитизм в отношении знания, локализованного в социальном. Ни животные, ни вещи не обладают способностью жить как паразиты на социальном знании¹⁹.

Индивид и коллективность

Может показаться странным заявление, что местоположением чего-либо является коллективность, а не индивид. Хотя коллективность была фундаментальным понятием социологии по крайней мере начиная с Дюркгейма, ангажированность большинства академических сообществ, включая, как это ни удивительно, социологов, в пользу индивидуализма столь сильна, что трудно размещать что-либо в коллективном. Чтобы упростить задачу, рассмотрим еще раз тезис Энди Кларка о расширенных границах сознания, на этот раз, однако, применяя данное понятие не к нашему отношению к инструментам, а к нашему отношению к другому мозгу. Как утверждает Кларк, нет ничего особенного в границах черепа или кожи²⁰. Связи моего мозга не прерываются на границе моей головы, поскольку они не ограничены связями, обнаруженными в сером веществе; нейроны моего мозга связаны с нейронами любого другого мозга, с которым он находится «во взаимодействии» посредством моих пяти чувств. Нет ничего даже отдаленно странного в том, чтобы утверждать, что местопребывание знания – коллективность мозгов, поскольку коллективность мозгов является «вещью» в той же мере, в какой является «вещью» мой индивидуальный мозг; мой мозг – собрание нейронов, разделенных (если исследовать их в масштабе атомов) огромными расстояниями, так что расстояние между мозгами в коллективности не является препятствием для того, чтобы они

¹⁹ Мишель Серр написал текст «Паразит», но к обсуждаемому здесь он не имеет никакого отношения.

²⁰ Понятие расширенных границ познания, введенное Хатчинсом (*Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, Mass., 1995*), также имеет отношение к данному вопросу, но знаменитый пример с управлением кораблем кажется в большей степени связанным с разделением когнитивных функций, чем с коллективным познанием. Понятие Кларка может быть использовано как более глубокое.

СОЦИАЛЬНОЕ КАРТЕЗИАНСТВО И АСИММЕТРИЯ

принадлежали коллективной «вещи». Коллективность мозгов – просто увеличенная версия моего мозга, просто более крупное собрание взаимосвязанных нейронов, и, как и в случае с синапсами, количество связей меняется, как только меняется характер социальной или технологической жизни. Поэтому, если нам не нравится метафизика коллективности, мы все-таки можем принять идею, что знание размещается в собрании мозгов, оставаясь на консервативных философских позициях. Мы даже можем сказать, что неявное знание, ассоциирующееся с разговорным языком, размещается в первую очередь не в индивидуальном мозге, а в совокупности мозгов. Интересно, что само понятие нейронной сети показывает нам, как осмысливать данную тему, не прибегая к таинственному «коллективному сознанию». Стыдящиеся метафизики могут просто представить мозги, связанные речью, как выстраивающие одну большую нейронную сеть.

Однако, как показано выше, сохраняется загадка, каким образом индивидуальное Я подсоединяется к коллективности; сто лет изучения детства все еще не разрешили проблему социализации. Например, несмотря на все колоссальные усилия, мы все еще не знаем, сколько языка изучается, а сколько – как утверждает Хомски – врождено. Если остается возможность спорить о столь фундаментальных вещах, этот механизм, должно быть, все еще темен.

Еще одна причина того, что так трудно думать о коллективности как местоположении неявного знания, – способности индивида. Заприте какого-нибудь индивида в комнате с утра, и вечером он все еще будет свободно говорить на своем языке. Требуется, однако, помнить, что способности, продемонстрированные изолированным говорящим, не сохраняются бесконечно; индивид – временное и ненадежное хранилище коллективного знания, поскольку индивид не обладает коллективным знанием, а лишь заимствует его. Если индивид теряет контакт с коллективом, то когда коллектив продвинет свое знание вперед, знание индивида сохранится в своем застывшем состоянии. Оставаясь оторванным от общества в течение длительного времени, индивид теряет чувствительность к контексту, и актуальность индивидуальных способностей угасает. Г. Уэллс был прав в своей истории о стране слепых, в которой язык целых групп меняется в ответ на дефицит контактов с остальным обществом: «Четырнадцать поколений эти люди были слепы и отрезаны от видящего мира; имена для всех вещей, связанных со зрением, потускнели и изме-

нились; история внешнего мира померкла и превратилась в сказку...»²¹

Получение социального знания посредством слов и вещей

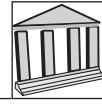
Итак, мы имеем картину индивида как паразита на социальной группе, сосущего социальное знание из суперорганизма; перестаньте сосать – и знание постепенно деградирует, т.е. его соответствие коллективному знанию слабеет. Но как социальное знание переходит в индивида? К этому моменту мы просто сказали, что это происходит в результате погружения в общество.

«Погружение» – участие в разговоре и практиках общества. Более пристальное рассмотрение того способа, которым мы погружены в общество, проливает немного больше света на относительную роль тела и коллектива. Гипотеза Сепира-Уорфа гласит, что слова языка зависят от физического окружения; существует старое клише о том, что у эскимосов 17 слов для снега, поскольку снег присутствует в большой доле их занятий. Правда это или нет – не важно, поскольку по сути это определено так. Если ваш народ вырос в изоляции в джунглях Амазонии, в вашем родном языке почти наверняка не будет слова, обозначающего снег, или кирпич, или велосипед, или машину. Если не брать в расчет глобализацию, естественный язык частично будет функцией окружающих вещей. Одним таким типом окружающих вещей являются тела говорящих. Обычно, если забыть о «стране слепых», всякий народ, говорящий на естественном языке, обладает сходным телосложением.

Телосложение влияет на язык тремя способами. Во-первых, физиология создает сами условия для языка. Язык начинается с речи. Без определенного типа гортани, определенного типа мозга и определенного типа легких, которые, вероятно, развивались параллельно, не было бы естественных языков – по крайней мере, таких, какими мы их знаем²².

²¹ Цитата может быть найдена на странице 474 собрания сочинений Уэллса под редакцией Одхэмса. Можно также проиллюстрировать эту мысль метафорой иммунной системы: как бы хорошо ни был подготовлен ребенок к биологической среде благодаря антителам, содержащимся в материнском молоке, изолируйте его от грязи, и его иммунная система начнет разрушаться – она более не будет готова к взаимодействию с меняющимся миром инфекций.

²² Конечно, нетрудно вообразить, что язык знаков мог развиваться как изначально естественный язык народа, не имеющего голосовых связок и ушей. Знаковые языки имеют концептуальную структуру, отличную от таковой естественных языков.

Во-вторых, тело определяет стандартный тип «струн» (струны – это вписанные паттерны, включая звуковые паттерны, вписанные в воздух), используемых в коммуникации без искусственных вспомогательных средств. Например, вписанные алфавит и значки должны состоять из элементов определенного среднего размера, а, к примеру, беседа должна вестись на определенной средней громкости, отрегулированной в зависимости от того, сколько людей должны ее услышать: эти амплитуды являются функцией физиологии. Этот момент не так уж и важен: все животные виды примерно равны в своих способностях слышать и распознавать, поэтому мы можем считать эту физиологическую черту фоновой (как тот факт, что у всех животных есть кровь).

В-третьих, очертание тела определяет термины языка и, таким образом, концептуальную структуру мира. Стандартный пример – стул: тот факт, что люди ходят на двух ногах, которые сгибаются в коленях, позволяет им чувствовать себя комфортно, сидя на стуле. Если бы мы ходили на четырех ногах, у нас бы наверняка не было понятия или слова, означающего «стул». Отношения между моим телом и понятийным миром схвачены знаменитым замечанием Витгенштейна: «Если бы лев мог говорить, мы бы его не поняли»²³. Мой понятийный мир был создан для меня путем принятия в себя особей, не имеющих зубов, когтей или носа, которые могли бы быть оснащены понятиями льва; сходным образом, львы в их естественном окружении, даже если бы они могли говорить, не смогли бы наделить смыслом понятие вроде стула.

Элементы, заимствованные из общества, которые не могут быть выражены эксплицитно, составляют «коллективное неявное знание»²⁴. Только что было высказано утверждение, что строение тела представителей вида очень важно для формирования коллективного неявного знания, включая сюда формирование языка коллективности. Это называется «тезисом социальной телесности». Но чтобы понять себя как социальных паразитов, мы должны прояснить, что не всякий индивид нуждается в обладании типичным телом, чтобы перенять коллективное неявное знание. Это объясняется тем, что кол-

²³ Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. Oxford, 1967. P. 223.

²⁴ В своей работе «Tacit and Explicit Knowledge» я разделяю знание на три типа: относителное неявное знание (ОНЗ), которое может быть эксплицировано, но не все сразу; соматическое неявное знание (СНЗ), подобное знанию животных, которое может в принципе быть эксплицировано научным исследованием; коллективное неявное знание (КНЗ), находящееся в обществе и не могущее быть эксплицированным каким-либо известным способом.

лективное неявное знание в большей степени содержится в языке коллективности, чем в ее практиках, поэтому всякое существо, способное перенять язык, может достигнуть понимания практик, не будучи вовлечено в эти практики²⁵.

Можно быть паразитом в отношении языка, обладая лишь минимальным телом, которое необходимо, чтобы влиться в дискурс, – типом мозга, совместимым с особями, говорящими на данном языке, и гортанью, легкими и ушами или протезами, которые могут их заменить. Таким образом, Стивен Хокинг может до сих пор получать элементы коллективного неявного знания, оставаясь совершенно неподвижным и используя протезы для того, чтобы говорить. «Мадлен», описанная Саксом как рожденная слепой и инвалидом, неспособная даже управлять инвалидной коляской, «никогда не евшая самостоятельно, не ходившая сама в туалет и не способная сама взять предмет, всегда зависевшая от помощи других», все-таки смогла стать личностью, которая «говорила свободно и красноречиво..., обнаруживая в себе высокодуховную женщину исключительного ума и начитанности» благодаря письменному и устному слову²⁶. Это называется «тезисом минимальной телесности».

Разница между тезисами социальной телесности и минимальной телесности демонстрирует еще один разительный контраст между людьми и животными: эта разница (между тезисами) существует для людей, но не для животных. Тело животного – индивидуальная вещь. Кролик, рожденный без ног и глаз, никогда не узнает, что значит иметь кроличье тело. Но человек, рожденный без ног и глаз, может знать, что значит обладать коллективным строением человеческого тела; человек может делиться знанием посредством языка, частично сформировавшегося через физические взаимодействия с миром всех других человеческих тел и несущего с собой концептуальную структуру мира, обладающего полной телесностью. Получение коллективного неявного знания при невозможности быть вовлеченным в коллективные практики из-

²⁵ В моей выходящей в 2011 г. работе «Язык и практика» дано полное изложение этой идеи. Витгенштейн в своей знаменитой ремарке о льве допустил ошибку по этому поводу. Непосредственно перед этой фразой он сказал: «Одно человеческое существо может быть совершенной загадкой для другого. Мы узнаем об этом, когда приезжаем в чужую страну с совершенно чужими традициями; более того, даже если мы в совершенстве владеем языком этой страны, мы не понимаем этот народ. (И не потому, что не понимаем, что они говорят.) С ними мы не можем обрести привычной для нас опоры». Но нельзя владеть языком в совершенстве, не понимая людей; овладеть языком – значит понимать людей.

²⁶ *Sacks O. The Man Who Mistook his Wife for a Hat. L., 1985. P. 56–59.*

вестно как получение «экспертизы взаимодействия»²⁷. Было трудно зафиксировать случай экспертизы взаимодействия отчасти из-за той современной переоценки роли тела в концептуальной жизни, которая имеет место среди философов и прочих, возможно, реагирующих на массовую переоценку силы логики и рассуждения в 1950-е гг. Этот момент также сложно зафиксировать, поскольку, за исключением необычных случаев вроде Мадлен (и Стивена Хокинга), языковая компетенция (или поддержание языковой компетенции) почти всегда достигалась (удавалась) в связке с практической компетенцией, поэтому их трудно развести. Недавние исследования показали, однако, что они могут быть разделены. Существуют инстанции социализации, осуществляющейся преимущественно посредством языка, даже (когда социализация осуществляется) в сферы, включающие практику; случаи показывают, что на экспертизу взаимодействия не оказывает ограничивающего влияния нехватка практики или практической компетенции. Случай людей, рожденных инвалидами, уже упоминался, но то же отсутствие погружения в практику обнаружено в более рядовых обстоятельствах. Антропологи, этнографы или интерпретативные социологи погружаются на более или менее длительное время в общество, которое изучают, иногда не слишком вовлекаясь в его практики, но все-таки достигая значительной степени культурного проникновения. Автор этой книги является таким примером; после нескольких недель погружения в поиски гравитационных волн ему удалось пройти «игровой имитационный» тест как физика, изучающему гравитационные волны; он прошел его, не сделав никакого значительного вклада в эксперименты по выявлению гравитационных волн и не написав статей о гравитационных волнах, что является основной деятельностью сообщества, занимающегося обнаружением гравитационных волн²⁸.

Таким же образом руководители крупных научных проектов должны принимать «информированные» решения о ценности различных технологических подходов, хотя сами они не участвуют в исследовательской практике по соответствующим специальностям. Аналогично всякий ученый, активно сотруд-

²⁷ См.: *Collins H. and Robert E. Rethinking Expertise*. Chicago, 2007, в которой дается полное обсуждение экспертизы взаимодействия и других категорий экспертизы.

²⁸ Обсуждение имитационных игр и тестов можно найти в работах: *Collins H. and Robert E. Op. cit.*; *Giles J. Sociologist Fools Physics Judges // Nature*. 2006. 442, 8; где дана информация о имитационной игре с гравитационными волнами.

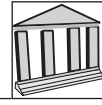
начающий с другими учеными, чтобы сотрудничество было чем-то большим, чем собрание различных индивидов, должен вовлекаться в дискурс по другим специальностям, не будучи вовлечен в их конкретные практики: в ситуации такого рода технический дискурс должен быть изучен вне технических практик. Фактически можно утверждать, что экспертиза взаимодействия необходима в случае всякого разделения труда в обществе, которое превзошло тип отношений раба и кнута.

Конечно, получение неявного знания коллективности посредством одного только языка часто является не самым эффективным способом это сделать. Вовлечение в физическую активность с другими людьми имеет тенденцию создавать больше возможностей для диалога, нежели вовлечение только в разговор. Даже если бы единственным средством передачи было слово, такая передача углублялась бы благодаря физической активности. Более того, практическая компетенция или попытки овладеть практической компетенцией обычно являются пропуском туда, где усваивается навык беглого языкового общения. По этой причине тот, кто участвовал как в беседе, так и в практической деятельности, скорее всего гораздо быстрее освоит коллективное неявное знание, чем тот, кто был открыт одним лишь словам; но это не значит, что [язык] не является центральным моментом во множестве случаев, когда мы должны понимать практики, не осваивая их.

Заключение

Теории общества и теории знания не могут быть симметричными в отношении роли людей, с одной стороны, и животных и материальных вещей – с другой. Когда мы говорим о «расширенной личности» или «расширенном сознании», мы должны помнить, что в той же мере, в какой, скажем, клюка слепого, компьютер писателя или калькулятор математика расширяют их личность или сознание, их ладони, руки или даже элементы их мозга, такие, как зрительная кора, могут рассматриваться таким же образом. Хотя вполне возможно, что материальные подпорки, в которых я себя обнаруживаю, расширяют меня вовне, если рассматривать ситуацию с метафизической точки зрения, они расширяют меня тем же способом, что и фрагменты моего тела.

Идея самости не может быть устранена по причине асимметричности отношения между самостью и вещами, в кото-

СОЦИАЛЬНОЕ КАРТЕЗИАНСТВО И АСИММЕТРИЯ

рые она расширяется: зрительной корой, рукой, молотком, клюкой, калькулятором, компьютером или чем-либо еще; должно быть нечто, что объяснит эту асимметрию. Я сделал предположение, что одним из ключей к асимметрии является идея социального. Есть одна совершенно особенная вещь, касающаяся людей, а не субкомпонентов (мозга, рук, калькуляторов и т.д.): они способны учиться использовать полезный вклад всех этих элементов согласованно с тем, что делают другие люди, как результат взаимного участия в организме общества; это происходит в большой степени благодаря языку, делает людей особенными и называется социальным картезианством.

В одной известной поучительной истории мудрец говорит, что Атлас держит на себе мир. Один из слушателей спрашивает, кто держит Атласа, на что мудрец отвечает: «Слон». «А кто держит слона?» – следует в ответ. «Черепашка, – отвечает мудрец, – и дальше вниз одна только черепаха». Мораль, которую нам следует отсюда извлечь, в том, что ни один аргумент не может быть основан на единственном основании, что всегда под ним есть черепаха, поскольку всегда есть более низший уровень; обоснование должно лишь направляться вопросом, чем черепаха лучше чего-то еще. Проблема теорий, описывающих людей и другие сущности как симметричные, – «гиперсимметрии» – заключается в том, что их основание смещено на уровень еще одной, находящейся еще ниже черепахи. Но эта черепаха ничем не лучше той, которая над ней: теории общества или теории знания, утверждающие, что человеческие и нечеловеческие элементы вносят равный вклад в конструирование категорий, организующих наш мир, попросту ошибочны.

Таким образом, слишком большое количество онтологической симметрии делает невозможным объяснение, почему разработчикам «умных машин» так трудно смоделировать понимание и использование языка, хотя проблема часто упускается из виду из-за нашей способности восполнять (repair) изъяны машин. Поэтому мы заходим слишком далеко, заявляя, что машины участвуют в нашей социальной жизни, тогда как они лишь вносят в нее вклад. Слишком много онтологической симметрии – это также проблема, применимая ко всякой теории, работающей над уничтожением границы между людьми и животными. Может быть верно, что эта граница расплывчата, но это не то же самое, что сказать, что различие провести невозможно. Животные попросту не включены в человеческое общество, как в него включены люди, что же каса-

ются так называемых «животных обществ», они даже отдаленно не так богаты, как человеческие, если под богатством понимать объем культурного разнообразия в рамках одного вида. Чтобы понять, что значит культура, надо обратить внимание не на достижения, а на разнообразие. Например, в принципе не существует собак-вегетарианцев и не будет, если только мы не придумаем, как изменить собак, чтобы они научились становиться частью нашего общества и подпитываться кровью коллективного неявного знания. Это различие явно проиллюстрировано физическими изъянами.

Животное, рожденное с серьезными физическими недостатками, обречено на очень короткую жизнь или, по крайней мере, на жизнь, сильно отличающуюся от той, которую ведут нормальные особи. Человек, рожденный с изъяном, переживает его как неудобство, которое может быть преодолено; он может стать полноценным человеком, неотличимым от других, за исключением его способности участвовать в соответствующей части типичных человеческих практик; концептуальная жизнь человека с ограниченными возможностями в высокой степени идентична жизни любого другого в этом обществе. По всем этим причинам невозможно понять мир, каким мы его знаем, без онтологической асимметрии социального картезианства.

Перевод с английского А.С. Игнатенко